

Александр Зиновьев и Солженицын в контексте эпохи.
Статья первая. 1960-е – 1985*

Аннотация: Статья представляет первую часть исследования идейного противостояния двух крупнейших отечественных писателей и мыслителей XX века, определивших ход духовно-нравственного, интеллектуального и общественно-политического развития СССР во второй половине столетия А.И. Солженицына и А.А. Зиновьева. На материале художественных и публицистических текстов писателей, обзора публикаций в прессе Франции, Италии, Германии, Швейцарии и др. 1970-1980-х детально восстанавливается история взаимоотношений.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, А.А. Зиновьев, «Зияющие высоты», «Светлое будущее», литература русской эмиграции, диссиденты.

Одним из важнейших не только литературных, но и общественно-политических событий 1960-х годов стала публикация в ноябре 1962 года на страницах журнала «Новый мир» повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Читателей потряс не только созданный писателем образ лагерного мира, трагический колорит которого грубо нарушал светлую картину действительности, созданную стараниями искусства социалистического реализма, но и сам факт публикации произведения на эту тему на страницах советского официального издания.

Фигура Солженицына в одночасье стала символом гражданского сопротивления и борьбы с тоталитаризмом. Его личность и слово вызывают жадное внимание и становятся духовным ядром, вокруг которого стремительно начинает формироваться поле деятельного инакомыслия. Те силы интеллектуального и нравственного возмущения, которые копились в обществе и не находили выхода, обрели своего лидера, получили пример и образец поведения.

В последующие годы значение литературной, публицистической и общественной деятельности Солженицына неуклонно возрастало. Мощное противодействие, которое партийное руководство страны и КГБ постарались организовать, отклоняя и преследуя его новые произведения, только усиливало позиции Солженицына среди неравнодушных соотечественников, готовых всемерно поддерживать его, помогать развитию процессов освобождения общества от оков идеологического единомыслия, коммунистической пропаганды и лжи.

Шедший своим путём личностного сопротивления Александр Зиновьев к этому времени уже был хорошо известен в кругу московских интеллектуалов своими остро критическими взглядами на советскую действительность, злыми, язвительными оценками партийного руководства, бескомпромиссным поведением, дерзкими, вызывавшими шок и зависть поступками. У него были свои поклонники и последователи. При этом он был доктором философских наук, профессором МГУ, ведущим научным сотрудником Института философии и членом редколлегии второго по значимости идеологического органа ЦК КПСС журнала «Вопросы философии».

Некогда избранная им стратегия существования как «суверенного государства» из одного человека была до определённого момента социально успешной. Эта стратегия предполагала политику «невмешательства», при которой личность, сосредоточенная на построении и сохранении собственного духовно-нравственного мира, не имела цели преобразовывать мир вокруг себя. Советская система готова была это терпеть и даже иногда поощрять внешне лояльного к ней индивида, допуская возможность его постепенного приручения и ангажирования в число своих сторонников.

Впрочем, в поведении Зиновьева не было корыстного лицемерного двоемыслия, столь характерного для большинства его соотечественников из числа интеллигенции. Он никогда не заискивал перед властью. Он ставил свой личный жизненный эксперимент автономного социального существования. Все его достижения были своеобразной ошибкой системы, принимавшей стратегию «суверенного государства» за банальный конформизм, бессильный и безопасный для неё.

Каждый советский школьник, а не то, что профессор философии, знал ленинскую фразу: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». [1. С. 104] Знал её и Зиновьев. Упрямо пытался её опровергнуть, но чем дальше, тем больше, его «суверенное государство» вступало в конфликт с общественно-политической реальностью, требовавшей безоговорочного подчинения и полного принятия правил игры.

Назревал и внутренний конфликт с принятой им нравственной системой ценностей, выстроенной в духе этического максимализма. Он не мог не чувствовать двусмысленности ситуации: всё, что его окружало, вызывало неприятие и отторжение, но он продолжал жить в этой среде — ходить на работу и партсобрания, получать зарплату, писать статьи и доклады, участвовать в создании стенгазеты, выпивать в компании сослуживцев, вести с ними пространные разговоры, хохмить.

К концу 1960-х его псевдолояльность стала вызывать подозрение — последовало отстранение от должности зав. кафедры, негласное лишение руководства аспирантурой, исключение из состава редколлегии «Вопросов

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

философии», отклонение его кандидатуры при выдвижении на звание члена-корреспондента Академии наук. Постепенно «суверенное государство» становилось государством-изгоем. Наступил кризис, ждавший своего разрешения.

На фоне всего этого личность Солженицына, его мощно подсвеченная западными СМИ (в особенности после присуждения ему в 1970 году Нобелевской премии по литературе) гражданская активность, целеустремлённость и бескомпромиссность резко проблематизировали концепцию «суверенного государства». Не отменяя её в целом, новые обстоятельства требовали если не глубинной модернизации, то как минимум пересмотра «внешней политики». Явление Солженицына стало вызовом как всей советской системе в целом, так и каждому её члену, в том числе «суверенному государству» Зиновьева.

Солженицын тоже был в своём роде «суверенным государством». И это «суверенное государство» объявило войну советской системе. И — побеждало. Арест и осуждение Солженицына, лишение его гражданства СССР и высылка за границу в феврале 1974, будучи формально проявлением силы государства, на самом деле, было актом его капитуляции. Это стало ясно сразу, как только прошёл первый шок от события. Пример Солженицына показывал возможный путь выхода из кризиса — рискованный, драматичный, чреватый испытаниями и болью, но, пожалуй, единственно достойный для «суверенного государства». Путь войны. Фронтовика Зиновьева такой путь вдохновлял.

Спустя несколько месяцев после высылки Солженицына он начинает писать свой судьбоносный роман «Зияющие высоты». Призыв изгнанника «Жить не по лжи!» был созвучен нравственному императиву Зиновьева. В романе, в котором Солженицын выведен под именем Правдец, его решающая роль в пробуждении личности однозначно обозначена в первом же эпизоде, в котором он упоминается, в главке с показательным названием «Личность»:

Чтобы стать социальным существом (гражданином), человек должен смотреть в себя и не противиться себе. Чтобы стать личностью, человек должен иметь поражающий воображение образец во вне, безотчетное желание стать похожим на него, преодолеть страх и совершить действие, объявляющее принадлежность к образцу. Несмотря на отдельные регулярно проводимые порки, жизнь ибанской интеллигенции текла почти безмятежно и временами даже радостно до тех пор, пока не выступил Правдец и не спросил у каждого “Кто ты?”. И услышавшие этот вопрос пошли разными путями. Большинство ушло в гражданина, очень немногие в личность. По крайней мере потенциально». [2. С. 205.]

«Солженицын сыграл важную роль в моей жизни», — признавался позднее Зиновьев в интервью газете «La libre Belgique» [3. С. 4].

Зиновьев с Солженицыным лично никогда не встречались. Как в Москве, так и в годы эмиграции. Это неудивительно, зная особый, конспиративный, образ жизни Солженицына, подробно описанный им в книгах «Бодался телёнок с дубом» (в первую очередь) и «Угодило зёрнышко меж двух жерновов». Его окружали только доверенные люди, а сам он редко бывал на публике. В годы изгнания Зиновьев и Солженицын и вовсе жили на разных континентах. Хотя у них были общие знакомые. В частности, в Москве, Ю. Карякин, горячо содействовавший в продвижении текстов Солженицына. За границей — М. Ростропович, Г. Вишневская, Ю. Любимов, Ж. Нива. Как принято говорить, их отделяло друг от друга одно рукопожатие.

Зиновьев и в Москве, и за границей был в курсе литературной деятельности Солженицына, читал, по мере их публикации, «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ», «Ленин в Цюрихе», «Август Четырнадцатого». Читал (или чаще слышал по радио) и публицистику. Естественно, что книги Солженицына, вышедшие за границей, не всегда было просто получить в руки, а читать их приходилось наскоро и урывками.

В интервью газете «La libre Belgique» (Брюссель, 1978), Зиновьев говорил, что «Один день Ивана Денисовича» ему не понравился. Его смутило, что повесть была напечатана в советском журнале, а значит подверглась цензурным искажениям и всей правды в ней нет. Например, в воинской части, в которой служил перед войной Зиновьев, условия были гораздо хуже, чем у Ивана Денисовича, а ведь то была обыкновенная часть, что уж говорить о лагере.

О других произведениях Зиновьев говорил в большом интервью Ж. Нива «L’Etat Zinoviev» для парижского журнала «L’Express International» (1985, позже вышедшем на русском языке в журнале «Стрелец», 1986):

Я ценю его в «Круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» как литературные произведения. Я повторяю — как литературные. По поводу всего остального, по поводу его концепции, касающейся СССР — это умышленная фальсификация. «Август 14-го», «Ленин в Цюрихе» — я отвергаю их с исторической и литературной точек зрения». [4. С. 27].

При всей критичности взгляда на произведения Солженицына, Зиновьев в 1970-е — 1980-е годы неизменно отмечал его заслуги в духовном обновлении советского общества. В том же интервью Ж. Нива он говорил: «Я ценю Солженицына как духовное явление в России». [4. С. 27].

В «Зияющих высотах» звучат такие оценки феномена Солженицына:

Теперь люди не хотят Бога в душе. Значит, если они хотят нравственное общество, они должны бороться за зарождение, сохранение, укрепление, преемственность и т.д. Бога во вне, — какие-то средства предавать гласности хотя бы ничтожную долю поступков людей, правдивое их описание и моральную оценку. Мы еще не отдаем себе отчета в том, какую громадную роль в этом деле сыграли известные тебе два крупнейших события

последних десятилетий — доклад Хряка (Хрущёва. — П.Ф.) и Книга Правдеца. Если хочешь знать, Хряк сыграл роль Предтечи, а Правдец — Спасителя. Я не шучу. Они начали (вольно или нет, иной вопрос) дело нравственного совершенствования общества. [2. С. 739]

Ты не хочешь лепить Правдеца. Тебе кажется, что он соизмерим с тобой, поскольку как художник ты не меньше, а может быть больше, чем он. Ты гений. Но ты все-таки ибанец. Ты ибанский гений. Правдец, если даже допустить, что он посредственный художник, есть Бог. Пусть ибанский Бог. Пусть Божок. Боженок. Полубог. Но все же он принес в наше общество хотя бы крупицу Бога. [2. С. 747]

Примечательно, что в романе Правдец выступает как автор Книги (с прописной буквы). Не романа, сочинения, а именно Книги. Здесь очевидна аллюзия на Библию.

Очень трудно оценить деятельность Солженицына, — говорил Зиновьев в упомянутом интервью для «La libre Belgique», — для меня он был олицетворением гнева Божьего, который был обрушен на Сталина и его паству. Я рассматриваю это не на человеческом уровне, а практически с религиозной точки зрения. Вот почему я его не могу судить и оценивать. [3. С. 4]

Фигура Солженицына стала предметом художественной рефлексии Зиновьева. К ней он обращается в романах «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), имя Солженицына неизменно появляется и в других его произведениях — «В преддверии рая» (1979), «Жёлтый дом» (1980), «Гомо советикус» (1982). Неоднократно упоминается в публицистике, интервью и публичных выступлениях. Для Зиновьева Солженицын не только значительное явление в литературе, но и важный фактор социальной жизни.

В «Зияющих высотах» в соответствии с жанром гротескной фантазмагии, в который облёк свои социологические взгляды Зиновьев, Солженицын, как было сказано выше, выступает под именем Правдец. Имя Правдец, на первый взгляд звучащее иронически, на самом деле оценочно нейтрально. Оно своего рода концепт, описывающий определённый тип поведения — человек во всех ситуациях, отстаивающий правду. Это не просто правдоискатель или правдолюб, а борец за правду. Именно этот аспект деятельности Солженицына важно было подчеркнуть Зиновьеву. Писательская ипостась Солженицына ему в пространстве романного мира «Зияющих высот» менее важна. Его профессия имеет второстепенный характер по отношению к его социальной роли. Правдец мог бы быть и учёным, и кинематографистом, кем-либо ещё. Именно поэтому Правдец не пародия и не карикатура на Солженицына. Художественная задача у Зиновьева другая. Солженицын вообще не прототип (в прямом значении этого термина) образа Правдеца. Протагонистом Зиновьева в романе выступает Болтун — человек осуществляющий свою социальную функцию в разговорной деятельности.

Как действующий персонаж Правдец в романе практически не участвует, но его поступки и высказывания становятся предметом рефлексии героев романа. Он всё время присутствует в их сознании, является одним из стержней их интеллектуальной деятельности. Его ставят в пример, им измеряют ценность и значимость того или иного события или лица. Он не даёт покоя, будоражит мысль, рождает слово.

Не всё в идеях Правдеца вызывает у окружающих согласие. Часто его тезисы опровергаются. Так, глава «Спор об идеологии», прямо начинается с критики Правдеца:

Предложение Правдеца отказаться от официальной идеологии детски наивно, говорит Карьерист. Руководство давным-давно фактически не считается с ней в своих действиях. Так, только для виду поговаривает. А почему бы от нее не отказаться официально, сказал Ученый, если от нее одни только беды. Полностью-то от нее отказаться нельзя, сказал Неврастеник. Да и смысла никакого нет. В нее все равно никто не верит. И фактическая роль ее в обществе ничтожна в сравнении с тем, как об этом говорит Правдец. Начался спор, который прекратился только потому, что все устали говорить. [2. С. 280]

По сути, на страницах «Зияющих высот» запечатлена неформальная общественная дискуссия вокруг идей Солженицына, захватившая большую часть думающей советской интеллигенции. Учитывая специфику того времени, когда любое публичное высказывание о Солженицыне подвергалось цензуре и самоцензуре, роман Зиновьева, несмотря на всю гротескность и иносказательность, представляет собой важнейший *документ* по истории общественной мысли в СССР в 1970-е годы, зафиксировавший широкий спектр реакций и оценок. Мнения самые разные — и солидарные («Правдец прав»), и сочувственные, и несогласные, и провокативные.

Свою позицию и оценку Солженицына Зиновьев доверяет Болтуну. Он всемерно поддерживает бунт Правдеца и в этой части всегда на его стороне, резко осаживая своих собеседников из числа скептиков. Однако он не разделяет его историософских взглядов. Главный пункт расхождения в определении природы русского коммунизма («ибанизма»):

Когда Правдец заявил, что ибанизм навязан ибанскому народу силой и мешает ему жить, он совершил грубую ошибку. Ибанский народ навязал себе ибанизм добровольно и жить без него уже не в состоянии. [2. С. 566]

В интервью для «La libre Belgique», Зиновьев, скажет об этом так:

Моя точка зрения расходится с точкой зрения Солженицына по некоторым пунктам: я считаю, что сталинизм и нынешний режим — это результат деятельности народа, а не навязанной извне. Хотя бы по той простой причине, что в строительстве этого режима принимали участие десятки тысяч человек. Нельзя критиковать режим, не критикуя народ». [3. С. 4]

Разногласие Зиновьева с Солженицыным носит методологический характер. Солженицын оценивал факты как историк, опираясь на их конкретику, Зиновьев тот же набор событий рассматривал в аспекте социологическом. Оба претендовали на объективную точку зрения. Однако позиция Солженицына всегда была этически и эмоционально ярко окрашена. Он, по собственным словам, чувствовал себя карающим мечом в деснице Бога [5. С. 366]. Зиновьев, напротив, в личном отношении к советской системе и её вождям не стеснявшийся в оценках и не скрывавший своего неприятия, в разговоре о социальном феномене коммунизма настаивал на необходимости вынести за скобки любые ценностные критерии, оставляя только сугубо научный, неподверженный субъективным искажениям логический инструментарий.

Не отрицая значимости исторического (точнее, историографического) подхода к прошлому, Зиновьев считал его недостаточным для понимания сути происходящих процессов. Более того, сосредоточенность исключительно только на историческом аспекте сужает, по мнению Зиновьева, поле исследования, ограничивает его рамками прошлого, тогда как любой социальный объект есть живой организм, существующий и развивающийся во времени, имеющий не только историю, но и будущее, и задача науки заключается в понимании не только его становления и функционирования, но и развития, перспектив. Устами Болтуна Зиновьев даёт лаконичную формулу принципиального отличия своей позиции от позиции Солженицына: «Его волнует прошлое и прошлое в будущем. Меня волнует будущее и будущее в прошлом» [2. С. 294].

Второй роман Зиновьева «Светлое будущее», публикация которого, собственно, и стала главной причиной высылки его за границу, представляет собой своеобразный комментарий к «Зияющим высотам». Он написан в реалистической эстетике. Все маски сняты. Нет никакого Ибанска и ибанцев, Хозяина, Хряка, Заибана, Мазилы, Певца, Правдеча. Всё названо своими именами: Москва, советские люди, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Неизвестный, Галич, Солженицын. О них говорят и спорят герои романа — научные сотрудники института философии (учитывая неподцензурный характер их речей, имена их вымышлены, а образы носят собирательный характер). Говорят и спорят в принятых философских терминах и категориях, обсуждая проблемы социализма и построения коммунистического общества, а не глумливого «ибанизма».

На страницах «Зияющих высот» Правдеч упоминается 145 раз, Солженицына в «Светлом будущем» вспоминают 63 раза (но текст «Светлого будущего» по объёму в три раза меньше). Зиновьев, сделавший в романе своим протагонистом персонажа по имени Антон (греч., «состязающийся», «идущий в бой») Зимин (А.З. — инициалы Зиновьева), его устами повторяет и развивает многие реплики Болтуна и других alter ego Зиновьева из «Зияющих высот». В частности, и в связи с фигурой Солженицына.

О своём отношении к нему Антона говорит, отвечая на прямые, точно в интервью, вопросы дочери главного героя романа Ленки:

— Вы, конечно, читали Солженицына?

— Читал.

— И что Вы о нем скажете?

— Я перед ним преклоняюсь.

— Значит, то, что он пишет, правда?

— Правда, но не вся. А частичная правда искажает картину в целом. Я ценю его не за правду, а за бунт против лжи и насилия. [6. С. 94–95]

На просьбу брата Ленки Сашки, — молодого человека, ищущего правды, — разъяснить отличие своих взглядов от взглядов Солженицына Антон в сжатой форме излагает ему методологию зиновьевского социального анализа:

Я считаю, короче говоря, что все дефекты коммунизма (и социализма) не являются преходящими историческими явлениями или результатом невыполнения каких-то заветов, а являются продуктом воплощения самых положительных идеалов коммунизма. Понимаешь? Я считаю, что самые светлые мечты и идеалы человечества в реальном исполнении дают самые мрачные последствия. Но это не есть некая идеологическая установка или предвзятая идея. Это — вывод из определенного способа исследования общества. У Солженицына дается просто суммирование и описание фактов и некоторые навязываемые ими идеи и обобщения. Вроде таких: репрессии не случайны, кругом обман и коррупция, никакой свободы слова и т.п. У меня другой метод. В чем он состоит? В двух словах и в самом вульгарном виде поясню тебе это следующим образом. Есть законы человеческого поведения, которые я называю социальными. Они касаются поступков людей друг по отношению к другу и отдельных людей по отношению к обществу в целом и своей деятельности. И вытекают они из природы человека и одного того факта, что масса людей вынуждена жить совместно, в коллективе. Законы эти сами по себе (по отдельности и для иллюстраций) просты и очевидны. И обнаруживаются они путем наблюдений, а люди открывают их для себя в практике своей коллективной жизни. [6. С. 150–151]

Заклячая свой краткий курс логической социологии (как позже назовёт Зиновьев свой метод), Антон резюмирует: «Солженицын, критикуя марксизм и отдельные факты советской жизни, не видит всей ужасающей нормальности коммунизма». [6. С. 152]

В то же время Антон-Зиновьев не считает своевременным вести развёрнутую научную полемику с Солженицыным и отказывает Сашке выступить на эту тему перед его друзьями-единомышленниками:

<...> полемика с Солженицыным в данное время неуместна, — говорит он. — Солженицын выдал такую порцию пищи для размышлений, что переварить ее нужны годы. Я могу только навредить. Или буду выглядеть чем-то вроде агента КГБ, призванного хитро разоблачать и дискредитировать Солженицына. У него достаточно много идей, совпадающих с тем, что я мог бы сказать. Обдумайте их сами... [6. С. 154]

Почти тоже говорил в «Зияющих высотах» Болтун: «<...> будь иные условия, я бы, однако, скорее всего вступил с ним в полемику. <...> Я обречен молчать и сочувствовать. Если я буду возражать ему, я буду выглядеть подлецом. А я не хочу им быть». [2. С. 294]

С именем Солженицына Антон связывает надежду на возможность победы над коммунизмом, видя в нём реального, а не искусственного или самозванного лидера:

Антон подробно рассматривает возможности оппозиции господствующим тенденциям коммунизма и приходит к следующему заключению. Вождям коммунизма отныне и навеки веков надо забыть о мирном и гармоничном движении вперед к Светлому Будущему, когда они дают указания и принимают решения, а прочие граждане выполняют, перевыполняют и поют славу любимым руководителям. Светлое Будущее — это уже начавшаяся драка против обнаруживших себя с полной очевидностью гнусностей коммунизма. Драка кровавая и полная жертв. Она еще явит образцы величайшего личного героизма, сопоставимые с таковыми в прошлом. И первый уже начавшийся этап этой драки имеет точное наименование: Солженицын. Антон считает свою концепцию выражением исторического оптимизма (в отличие от концепции Замятина, Оруэла, Шафаревича)». [6. С. 181]

Оценивая литературную деятельность Солженицына, Антон-Зиновьев настаивает: «Я уверен, Солженицын был изгнан не столько как политический деятель, сколько как талантливый писатель». [6. С. 159]; «Солженицын выталкивался на роль оппозиционера не только по содержанию своих сочинений и речей, но и как талантливый писатель» [6. С. 166]; «С Солженицыным расправились главным образом не потому, что он разоблачал, а потому, что он талантливо делал это». [6. С. 167]

Роман заканчивается парадоксальным — а как иначе у Зиновьева? — диалогом, который главный герой, рассказчик, друг Антона, интеллектуал-конформист, ведёт с неким Виктором Ивановичем, случайным знакомым, судя по всему, сотрудником КГБ. И опять не обходится без Солженицына:

— <...> Пройдет каких-нибудь сто лет, и история Москвы нашего периода будет интриговать человечество не меньше, чем история Парижа времен Великой французской Революции. Биографию Брежнева изучат по минутам. А Солженицына забудут.

Он прав, мой собеседник. А жаль!

— Что жаль?

— Жаль, что биографию Брежнева изучат, а Солженицына забудут.

И это говорю я, человек из партии Брежнева!

— Что поделаешь! Такова жизнь. [6. С. 230]

Таким образом, Солженицын в 1960–1970-е годы для Зиновьева фигура притягательная, волнующая, тревожащая, вызывающая глубокое уважение, почти преклонение. Под воздействием фактора Солженицына идёт интенсивное формирование Зиновьева как социального мыслителя. В бесчисленных разговорах о нём происходит оттачивание собственных мыслей, формулировок, полемических ходов. Солженицын ему интересен и как писатель, и как социальный феномен.

После публикации и феноменального успеха «Зияющих высот» на Западе положение несколько изменилось. Зиновьев-Болтун, Зиновьев-Зимин — псевдоподпольный советский интеллектуал, гений логических исследований, фрондёр, стремящийся быть в стороне от актуальной действительности и наблюдать за ней с объективной отрешённостью, — умер. Родился писатель Александр Зиновьев, крупнейший критик советской социальной системы. К нему пришла всемирная слава. Он попал в центр идеологического циклона. Один за другим выходили переводы на итальянский, французский, немецкий, английский, шведский и прочие европейские языки. Его литературный талант был безоговорочно признан всеми. Ему прочили Нобелевскую премию. Буквально в одночасье он превратился в одного из самых авторитетных в мире экспертов по реальному коммунизму.

В общественно-литературном мнении Запада за ним сразу закрепилось место рядом с Солженицыным. Так, в начале 1977, когда Зиновьев был ещё в Москве, в эфире «Русской службы Би-Би-Си» прошла серия передач, посвящённых «Зияющим высотам». Заключительная пятая передача была целиком отведена теме «Зиновьев и Солженицын». В самом начале её, во вступительном слове ведущего говорилось:

Нисколько не преувеличивая, эту книгу по силе её воздействия можно сравнить с другим выдающимся произведением эпохи «Архипелагом Гулаг». Книга Солженицына нанесла смертельный удар тоталитарному режиму. Книга Зиновьева — это глубоко продуманный и обоснованный смертный приговор ибанизму. Воздействие обеих этих книг рассчитано на десятилетия. Поэтому мы считаем, что социальную философию Зиновьева нагляднее всего можно проанализировать в сопоставлении с фигурой Солженицына, который в «Зияющих высотах» выведен под кличкой Правдец. Разговоры о Правдце, споры с концепцией Правдце, мнения о книге Правдце — один из сквозных сюжетов «Зияющих высот» [7. Л. 2]

В марте того же года в Милане в журнале «Panorama» появилась статья Витторио Страда «Пиши по-русски, пиши» (Vittorio Strada. Scrivi russo, scrivi) [8] с обзором современной советской литературы, и, в том числе о творчестве Зиновьева. Статья сопровождалась фотографиями Зиновьева, Вен. Ерофеева и Солженицына.

Литературный критик Наталия Рубинштейн в статье «Сказание о земле Ибанской» на страницах журнала «Время и мы» (Тель-Авив), вышедшего в апреле 1977, сопоставляет книги Солженицына и Зиновьева и предмет их интереса:

Солженицын написал книги о трагедии России. Зиновьев видел иные задачи: «Власти инстинктивно чувствуют, что гораздо большую опасность для них представляют не книги о концентрационных лагерях, а книги о закономерностях наших светлых праздничных будней». Не трагедия, а безобразие в центре внимания философа-летописца <...>. Написанное Солженицыным есть трагедия, и ужас ее несет в себе возможность очищения. Написанное Зиновьевым есть кошмар <...> [9. С. 158, 160]

8 июня обозреватель «Le Figaro» писал: «Советская Россия всегда поражает. На этот раз она оглушает. Оттуда только что выпал аэролит, не похожий ни на одно известное тело, беспримерная книга: «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Осмелюсь сказать, что оно основательно подрывает все, что было написано в СССР об СССР, в том числе, может быть, и Солженицыным».

В июле парижский «L'Express» публикует большую рецензию Макса Галло на французское издание романа с говорящим названием «Александр Зиновьев: Гулаг 9974» (Max Gallo. Alexandre Zinoviev: Goulag 9974), в которой утверждал:

«Зияющие высоты» более невыносимы и тревожат нас сильнее, чем «Архипелаг Гулаг». Солженицын показал опухоль, но мы могли сказать: «Рак можно вылечить. Больной выздоровеет. Всё становится лучше. Всё будет хорошо». С Зиновьевым больше нет иллюзий. [10. С. 21][†]

Публикация сопровождается фотографией Зиновьева и коллажем, на котором на фоне Красной площади, через которую тянется очередь в мавзолей Ленина, собраны портреты Сталина, Хрущёва, Солженицына, Синявского и Евтушенко.

Спустя год, когда Зиновьев окажется на Западе, он уже будет всеми восприниматься как равный Солженицыну по значимости и авторитету. Итальянский интервьюер Валерио Рива (Valerio Riva) в разговоре с Зиновьевым об итогах XVI Всемирном конгрессе философов, состоявшегося в августе 1978 в Дюссельдорфе, так формулировал один из своих вопросов: «С момента выхода “Зияющих высот” в Европе говорят, что сегодня в России есть два великих писателя: Солженицын и Зиновьев. Но вы, похоже, находитесь на противоположных полюсах. Вы как будто воспроизводите оппозицию XIX века между “славянофилами” и “западниками”. На ваш взгляд, имеет ли это противостояние еще смысл в сегодняшней России?» [11. С. 67]

А Коста Христич (Kosta Christitch), корреспондент парижского журнала «Le Point», публикуя своё интервью с Зиновьевым (28 августа 1978) озаглавливает свой материал каламбуром: «SolZinoviev: l'URSS ne changera pas». В пreamбуле, знакомя читателя с биографией Зиновьева, он пишет:

Никто и подумать не мог тогда, что этот признанный, заслуженный и уважаемый персонаж был носителем столь подрывно-оригинального произведения, которое заставило Алена Безансона, одного из лучших во Франции знатоков советской действительности, сказать, что «оно выходит далеко за рамки всего, что было написано в СССР об СССР, в том числе, может быть, и Солженицыным». [12. С. 38]

Барри Льюис и Майкл Ульман (Barry Lewis, Michael Ulman) в «The Sydney Morning Herald» утверждали:

Сатирическая фантазмагория Зиновьева «Зияющие высоты» несомненно растревожила самоуспокоенный Советский режим больше, чем все другие книги со времени «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. [13. С. 12]

Характерный случай, отражающий мнение европейской читательской аудитории, приводит Н. Горбаневская в заметке «Отказ от потери памяти»:

В Турине, во время «диссидентского Бьеннале», под вечер 1-го мая (1978 — П.Ф.), я разговаривала с ребятами из «Лотта Континуа» — итальянской левацкой (не марксистской) группировки, в которой последнее время

[†] Цитаты из иностранной прессы в переводе К.А. Зиновьевой.

заваривается что-то наиболее интересное из всего, что я знаю во Франции и в Италии. <...> В какой-то момент один из ребят сказал: «Понимаешь, мы же десять лет ничего не читали. Ничего — только политическую литературу». — «Не может быть, — растерялась я. — Как же так?» — «Вот так. Зато теперь я могу читать только русских писателей», — и он привел целый список от Солженицына и Зиновьева до Шукшина и Распутина. Вся западная литература кажется ему неглубокой, плоской, духовно бедной». [14. С. 372–373].

Автор, скрывший своё имя под псевдонимом «Польский Аноним», судя по всему, не профессиональный журналист, а думающий читатель, в статье «Нация — религия — миссия — ответственность» на страницах «Континента» называет имя Зиновьева в одном ряду с Томасом Манном, Чеславом Милошем и Солженицыным в числе «бесценных для национальной совести людей» [15. С. 183].

Цитированное неоднократно выше интервью Зиновьева брюссельской газете «La libre Belgique» (целый раздел которого озаглавлен «Влияние Солженицына») сопровождалось редакционной заметкой «Одиноким странник», которая заканчивалась словами Солженицына: «Большой писатель в стране — как бы второе правительство. И поэтому никакой режим никогда не любил больших писателей, а только маленьких» [16. С. 1].

Сомасштабность фигур Солженицына и Зиновьева признавали даже видные представители русского зарубежья. Василий Аксёнов в интервью Джону Глэду, на просьбу назвать наиболее значимые имена современной литературы, начинает именно с них:

Можно назвать действительно гиганта Александра Исаевича Солженицына. Или глобальная сатира Зиновьева, который мне не нравится, и я со многим у него не согласен, мне это и в художественном отношении неблизко, но, тем не менее, это явление серьезное и что-то новое». [17. С. 81]

Если поначалу читатели «Зияющих высот» видели в романе сатиру и в первых рецензиях сравнивали Зиновьева со Свифтом, Вольтером, Гоголем, Салтыковы-Щедриным, Оруэллом, то очень скоро, вчитавшись в книгу, стали понимать, что смысл её не в высмеивании тех или иных недостатков и социальных пороков, не карикатура на отдельных политических деятелей и представителей советской интеллигенции, а в тщательном, детальном, методичном описании неведомого и невероятного мироустройства советской реальности, о которой они имели лишь общее и одностороннее представление. И хотя западным читателям уже были знакомы произведения современных советских писателей — Ю. Трифонова, Г. Владимова, В. Аксёнова, В. Распутина, Вен. Ерофеева, В. Шукшина и др., — в них они не находили целостной картины жизни. Наиболее масштабным в этом плане было творчество Солженицына. Естественным образом возникали параллели и сопоставления.

Для западных критиков и специалистов в области изучения СССР, так называемых «советологов», сравнение этих двух писателей стало важным инструментом познания своего цивилизационного противника. Годы спустя, когда «холодная война» закончится полным разгромом Советского Союза, Зиновьев признает:

Конечно, мои работы использовались на Западе в борьбе против СССР. Когда я прилетел в Соединенные Штаты и встретился с людьми, занимавшимися антисоветской деятельностью, они мне сказали, что изучали Советский Союз не по Солженицыну, а по Зиновьеву. [18. С. 51]

Не только эстетические, но и концептуальные расхождения двух писателей были вполне очевидны. Зиновьев вполне ясно сформулировал их в «Зияющих высотах» и «Светлом будущем». Многочисленные рецензенты и интервьюеры Зиновьева регулярно их отмечали и проговаривали [19], [20], [21], порой акцентируя на этом внимание, вынося в заголовок своих публикаций. Так, например, поступил Кристиан Фейгельсон (Kristian Feigelson) из «Le Matin de Paris», назвавший своё интервью «Александр Зиновьев: Я не разделяю мнение Солженицына» («Je ne partage pas l'opinion de Soljenitsyne»). Характерно, что в пространном интервью Зиновьева это лишь одна, почти вспомогательная реплика в его размышлениях о диссидентском движении в СССР, которая полностью звучит так: «Я не разделяю мнение Солженицына по поводу идеи упадка Запада, который по-прежнему готов к борьбе и уже показал это в борьбе за соблюдение прав человека» [22. С. 11]. Но в сознании читателя фиксируется не конкретная мысль Зиновьева, а факт его противостояния Солженицыну.

Так же поступят Элизабет Хаммер-Крафт (Elisabeth Hammer-Kraft) из «Luzerner Tagblatt», автор рецензии на роман «Светлое будущее», которая назовёт свой текст просто: «Зиновьев — Солженицын» («Sinowjew — Solschenizyn») [23], и её норвежский коллега Торнбьёрн Феравик (Torbjørn Færevik), публикуя на страницах «Arbeiderbladet» (Осло) интервью под заголовком «Александр Зиновьев — имя, которое появилось, чтобы остаться — с Солженицыным мы очень разные» («Aleksander Zinovjev — et navn som er kommet for å bli — Solsjenitsyn og jeg er svært forskjellige») [24].

На обложку 46 выпуска русскоязычного эмигрантского журнала «Время и мы» (Тель-Авив) вынесены портреты Солженицына и Зиновьева и анонс: «В этом номере мы знакомим читателей с *противостоящими друг другу* (выделено мной. — П.Ф.) политическими взглядами Александра Солженицына и Александра Зиновьева».

Журналисты обращают внимание как на идейные, так и на поведенческие отличия двух изгнанников. Газета «Neue Zürcher Zeitung» от 3 октября 1978 года в статье «Sinowjew über Solschenizyn» (название которой звучит двояко: буквально — «Зиновьев о Солженицыне» или, при желании, «Зиновьев выше Солженицына») сообщала:

В отличие от Солженицына, который ведёт аскетический образ жизни политического узника даже в американской эмиграции, Зиновьев не только хорошо себя чувствует на западе, но и свободно. <...> Зиновьев упрекает Солженицына в том, что он не смог понять ни западный мир, ни советскую действительность; и если бы Зиновьев должен был бы выбирать между политической концепцией Солженицына и современным советским режимом — он выбрал бы последней. [25. С. 7]

Джуд Демпси (Jude Dempsy) из «Irish Times» (Дублин) спрашивал Зиновьева: «Многие русские писатели 19 века испытывали затруднение в писании книг, когда они покидали Россию, и у Солженицына есть схожие проблемы. Повлияла ли на Ваше творчество высылка из СССР?». Ответ Зиновьева:

Есть два типа писателей. Большинство русских писателей пишут о фактах русской жизни, и они описывают эти факты. Они должны жить с этой целью в России. Есть другой тип писателей, которым принадлежу я. Я не описываю. Я смотрю. Я вспоминаю. Я изобретаю. Я пишу не о России, а о коммунизме. Я могу наблюдать феномен коммунизма здесь в Британии, и в Германии. Я стараюсь увидеть эту культуру в интернациональных терминах. Но для русских писателей, таких как Солженицын, Максимов, Владимов абсолютно необходимо жить в русском окружении, чтобы видеть Россию своими собственными глазами. Хорошая русская литература невозможна в изгнании. [26. С. 12]

Параллельно в западной прессе шло осознание того, что книги Солженицына и Зиновьева, при всех их отличиях, образуют некое содержательное единство, дополняют друг друга, позволяя увидеть феномен Советского Союза с разных сторон. Рецензент «Светлого будущего» F.X. в парижской «Lettres-Arts» писал: «Если Солженицын показал нам жизнь в лагерях, то Зиновьев дал нам возможность ощутить повседневную жизнь». [27. С. 25] А Шел Вильсон (Shel Wilson) из «The Edmonton Journal» рецензию на «Светлое будущее» озаглавливает: «Продолжение того, где Солженицын остановился» («Picking up where Solzhenitsyn left off») [28].

Поль Тибо (Paul Thibaud) в специальном исследовании «Зиновьев и Солженицын», опубликованном в журнале «Esprit», отмечал:

Значительное произведение Зиновьева вызвало множество восторженных оценок и впечатляющих сравнений (Свифт, Рабле, Кафка...), но оно пока не получило такого широкого и тщательного анализа, как книги Солженицына, в особенности «Архипелаг ГУЛАГ». Тем не менее мы имеем дело с подходом к советской проблеме такого же масштаба, как и у бывшего заключенного. Нам нужно сопоставить эти два великих литературных исследования советского феномена, посмотреть, где они дополняют друг друга, а где противоречат. [29. С. 130]

Разобрав основные пункты сравнения, Тибо делал вывод:

Эти два разнородных по направленности и объекту размышления частично дополняют друг друга, причем каждое из них подчеркивает то, что для другого является белым пятном. [29. С. 130]

Взгляды Солженицына и Зиновьева сопоставляет в своей статье «Александр Зиновьев: философия на свалке» Жан-Пьер Морель (Jean-Pierre Morel) в журнале «Critique» (1979, ноябрь, № 390) [30]. В том же сравнительно-сопоставительном ключе написано фундаментальное исследование Жана-Франсуа Годо и Дидье Но (Jean-François Gaudeaux, Didier Naud) «Философия(и) советских диссидентов» в журнале «Les Temps Modernes» (1980, № 406) [31].

В ситуации такого пристального интереса к феномену Зиновьева, о котором говорила — очень по-разному — мировая пресса, было естественно ожидать некоего встречного отклика со стороны Солженицына. Не видеть Зиновьева он не мог. Отклика, вероятно, ждал и Зиновьев. Но Солженицын Зиновьева «не заметил». Ровно также, как «не заметила» Зиновьева советская критика и пропаганда. В своих многочисленных интервью этого (и более позднего) времени, Солженицын ни разу не упомянул Зиновьева — ни как писателя, ни как социального мыслителя, ни как значимую фигуру русской эмиграции. Никак.

Пару раз косвенно негативно высказался о сатирической литературе, противопоставив её произведениям так называемых «деревенщиков»: в 1978 в интервью газете «Nouvel Observateur» (по свидетельству А. Зиновьева) и в 1979 в радиоинтервью для BBC («Может быть, и эти мои слова услышат молодые авторы, кто в будущем подвигнут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы»). (Опубликовано по-русски в «Вестнике РХД», 1978, № 127). [32. С. 490–491]

Любопытно, что и собеседники Солженицына избегают вопросов о Зиновьеве. Ни репортёр BBC И.И. Сапиев, ни участники круглого стола в газете «Йомиури» в Токио, 13 октября 1982, в числе которых были известные японские слависты и советологи, обсуждавшие вместе с Солженицыным среди прочего и литературные темы, ни даже Бернар Пиво, записавший разговор с Солженицыным для французского телевидения в октябре 1983, — друг и активный «болельщик» Зиновьева, посвятивший ему в своё время целый выпуск своего журнала «Lire» (1978, № 39), на обложку которого вынес портрет Зиновьева, назвавший «Зияющие высоты» «книгой года», Бернар Пиво, который неоднократно приглашал Зиновьева на свою литературно-публицистическую телепередачу «Apostrophes». Такое впечатление, что собеседники Солженицына сами себе запрещают говорить с ним о Зиновьеве.

Может создаться впечатление, что Солженицын Зиновьева не читал. Это, конечно, не так. Другое дело, что и как читал Солженицын. Тут, к сожалению, пока нет достаточных источников, чтобы говорить уверенно. Можно только предполагать.

Так, «Зияющие высоты» он, скорее всего, целиком явно не читал. Возможно, был ознакомлен только с отдельными фрагментами, подобранными «доброжелателями», с их комментариями и мнениями. Об этом можно судить по тому, что Солженицын числит Зиновьева исключительно по ведомству политической сатиры. Очевидно, что фигура Правдеца была воспринята им (или преподнесена ему) исключительно как карикатура, что не соответствует реальности и что он, безусловно, увидел бы, если бы прочитал весь текст, а не только выбранные, выдернутые из контекста фрагменты и фразы. Трудно в этом случае упрекнуть Солженицына в негативном отношении. Тратить время на книгу, которая была ему, как могло показаться, враждебной, да к тому же эстетически чуждой, Солженицын, скорее всего не стал. Похоже, он составил своё мнение, которое автоматически распространил и на все последующие сочинения Зиновьева.

А вот статьи, интервью, комментарии Зиновьева ему на глаза попадались. В них, как было показано, Зиновьев не скрывал своего несогласия с интерпретацией советской истории и природы советского общественного уклада, предложенной Солженицыным, отзываясь о ней достаточно резко. Об этом можно судить по единственному упоминанию имени Зиновьева в публицистике Солженицына — в статье «Наши плюралисты» (1982), в которой он упоминает «рефрены постоянно раздражённого Зиновьева» [32. 422].

Сама статья является ответом Солженицына всем его оппонентам, критикующим его национально ориентированную, православную, последовательно антикоммунистическую, монархическую позицию. Хлётко и язвительно расправляется он со своими противниками — А. Синявским, Б. Шрагиным, М. Михайловым, Л. Плющем, Г. Померанцем, А. Яновым и др. В «наших плюралистах», конечно же, числит Солженицын и Зиновьева, хотя развёрнутой полемики с ним (как с названными выше оппонентами) в статье нет. А ведь уже издана к этому времени и стала мировым интеллектуальным бестселлером концептуальная работа Зиновьева «Коммунизм как реальность» (1981), являющаяся в некотором роде ответом на статью Солженицына «Коммунизм: у всех на виду — и не понят» (1980). О ней — ни слова (Неужели не читал?).

Зато есть собирательный портрет «наших плюралистов», в котором, на первый взгляд, всё правда, все факты верны, но который лишён какой-либо психологической основы, который не допускает ни человеческой сложности, ни интеллектуального развития, ни перемены убеждений, никакой свободы личности, а только корысть и двурушничество:

А если оглядеть круг личностей шире, чем цитированные здесь: ведь десятилетиями жили в столицах, и многие служили на деликатном идеологическом фронте — марксистскими философами, журналистами, очеркистами, лекторами, режиссёрами кино и радио, даже пропагандистами ЦК, референтами ЦК, даже прокурорами! — и нам, с лагерного и провинциального дна, справедливо казались неотличимы от цекистов и чекистов, от коммунистической власти. Они жили с нею в ладу, ею не наказывались и с нею не боролись. И когда я в окружающей советской немоте 50-х годов готовил свой первый прорыв через стену Лжи — то именно через *них* прорыв, через *их* ложь, — и ни от кого из них нельзя было ждать поддержки. И вдруг — открылась возможность некоторым двинуться на Запад, и они двинулись, где-то по пути тихо роняя свои партийные билеты. И по другую сторону Атлантического океана вдруг стали исключительно смелы в суждениях о советской жизни, вчера успевали там, сегодня здесь, и громко рассказывают, как они, чистые и неподкупные, тяжело страдали в грязных гнёздах пропаганды ЦК, или прокуратуры, или союза писателей и журналистов, опубликовав в СССР кто по три, а кто и по десятку книг и множество статей, и записывают себе в послужной список поставленные в СССР пьесы, фильмы, — а что это все было, если не ложь, ложь и ложь? И никто из них — ни один! — не раскаялся, не заявил публично, что это он и заплёвывал наши глаза ложью, не рассказал ни о каком с в о ё м соучастии, как он, хотя бы часть своих лет, укреплял и прославлял коммунистический режим и получал от него награды. Их философия: это — скотская народная масса виновата в режиме, а не я. Им и в голову не приходит, что настоящее творчество начинается не с безопасного (или даже опасного) сатирического разоблачения других, а с поисков своей собственной вины и с раскаяния». [33. С. 434–435].

Последняя инвектива напрямую адресована Зиновьеву, да и в других деталях много совпадений с его биографией.

После публикации «Наших плюралистов» Зиновьев утрачивает интерес к полемике с Солженицыным в виду её одностороннего характера. Отвечая на возникающие время от времени вопросы корреспондентов, он, по-прежнему, говорит о Солженицыне как о крупнейшем явлении в духовной и политической жизни 1960–1970-х годов, и всё также критикует его консервативную программу, отмечая её архаичность и несостоятельность.

Так, в 1984 году, в интервью журналисту «Le Matin» (Лозанна) Франсуа Дюмону (François Dumont) Зиновьев скажет:

Солженицын сыграл огромную роль в истории Советского Союза, в нашей истории вообще. Он разоблачил и заклеил сталинизм. Я считаю, что на этом его роль заканчивается — это не пустяк. Но когда Солженицын заявляет, что объясняет и понимает советское общество таким, какое оно есть, я считаю, что его видение необоснованно. Его представление о российском и советском прошлом ложно; его позитивные предложения на будущее просто смехотворны. В настоящее время Солженицын, как и другие «генералы» диссидентского движения, представляют собой, как мне кажется, очень серьёзное препятствие на пути к зарождению настоящей

оппозиции в Советском Союзе. Настало время критически осмотреть только что пройденный этап в оппозиционном движении. С такими лидерами российская оппозиция не сможет прогрессировать. <...> Солженицын возлагает надежды на людей, прошедших ГУЛАГ и оставшихся в живых. Это беспочвенные надежды. Не эти люди положили конец сталинизму, а другие. Выживших в ГУЛАГе освободили именно те, кто положил конец сталинизму. Люди, прошедшие ГУЛАГ, погибли или адаптировались к советским условиям. Их влияние на советскую действительность очень слабое. [34. С. 22]

Солженицын, однажды ответив всем оппонентам разом, поставил на них, и в их числе на Зиновьеве, крест и на годы погрузится в кропотливую работу над исторической эпопеей «Красное колесо», в создании которой видел свою главную писательскую и гражданскую миссию.

Новый поворот сюжета принесут с собой революционные изменения, которые произойдут в СССР в годы «перестройки».

Литература

1. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинения. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 99–105.
2. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: АСТ, Астрель, 2010. 766 с.
3. Alexandre Zinoviev — écrivain et philosophe // La libre Belgique. Bruxelles. 1978. № 245-246. September 2/3. P. 4–
4. Зиновьев А.А. «Не желаю ничьего блага». Интервью с Ж. Нива. // Стрелец. Нью-Йорк, 1986. № 1. С. 22–29.
5. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Время, 2018. Т. 28. 768 с.
6. Зиновьев А.А. Светлое будущее. Lausanne: L'Age d'Homme, 1978. 236 p.
7. «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Цикл передач Радио Би-Би-Си. Передача пятая. Расшифровка // Архив О.М. Зиновьевой. Машинопись. 1977. 10 л.
8. Strada V. Scrivi russo, scrivi // Panorama. Milano. Marzo 1. P. 34–36.
9. Рубинштейн Н. Сказание о Земле Ибанской // Время и мы. Тель-Авив. 1977. № 16. С. 143–161.
10. Gallo M. Gulag 9974 // L'Express. Paris. 1977. 18-24 juillet. P. 20–22.
11. Riva V. Il compromesso ideologico // L'Espresso. 1978. Roma. Settembre 24–30. P. 64–68, 84–89.
12. Christitch K. SolZinoviev: l'URSS ne changera pas // Le Point. Paris. 1978. № 310. 28 août. P. 36–37.
13. Lewis B., Ulman M. Putting the boot into Russia // The Sydney Morning Herald. Sydney. 1979. June 16. P. 12.
14. Горбаневская Н. Отказ от потери памяти // Континент. Париж. 1978. № 17. С. 371–373.
15. Польский Аноним. Нация — религия — миссия — ответственность // Континент. Париж. 1978. № 16. С. 170–188.
16. M.R. Le voyageur solitaire // La libre Belgique. Bruxelles. 1978. № 245-246. September 2/3. P. 1.
17. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. 320 с.
18. Зиновьев А.А. «Требуется историческое новаторство в изобретении системы управления Россией». Интервьюер Л. Глазкова // Российская Федерация сегодня. М. 1999. № 15. С. 50–53.
19. Anonim. Médecin étranger: Zinoviev le dissident // Sud-Ouest Dimanche. Bordeaux. 1978. November 29. P. 1.
20. Anonim. Médecin (étranger): Alexandre Zinoviev pour “L'avenir Radieux” // Le Monde. Paris. 1978. November 29. P. 1.
21. Doder D. Exile among exiles // International Herald Tribune. 1979. Paris. September 13. P. 20.
22. Feigelson K. Alexandre Zinoviev: “Je ne partage pas l'opinion de Soljenitsyne” // Le Matin de Paris. Paris. 1979. № 562. 17 décembre. P. 11.
23. Hammer-Kraft E. Sinowjew — Solschenizyn // Luzerner Tagblatt. Luzern. 1979. September 8. P. 8.
24. Færavik T. «Aleksander Zinovjev — et navn som er kommet for å bli — Solsjenitsyn og jeg er svært forskjellige» // Arbeiderbladet. Oslo. 1980. November 10. P. 5.
25. Anonim. Sinowjew über Solschenizyn // Neue Zürcher Zeitung. Zürich. 1979. October 3. B. 7.
26. Dempsey J. Satirist of the Soviet Union // Irish Times. Dublin. 1979. May 11. P. 12.
27. F.X. “L'Avenir radieux” Quand la dissidence passé par l'humour // Lettres-Arts. Paris. 1978. 28 novembre. P. 25.
28. Wilson S. Picking up where Solzhenitsyn left off // The Edmonton Journal. Edmonton, 1981. August 8. P. 16.
29. Thibaud P. Zinoviev et Soljénitsyn // Esprit. Paris. 1980. № 5. P. 130–133.
30. Morel J.-P. Alexandre Zinoviev: une philosophie dans le dépotoir // Critique. Paris. 1979. November. № 390. P. 933–952.
31. Gaudeaux J.-F., Naud D. Philosophie(s) des dissidents soviétiques // Les Temps Modernes. Paris. 1980. № 406. P. 1992 – 2018.
32. Солженицын А.И. Радиоинтервью компании Би-Би-Си (февраль, 1979) // Публицистика. В 3 т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. С. 483–504.
33. Солженицын А.И. Наши плюралисты // Публицистика. В 3 т. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. С. 406–444.
34. Dumont F. Alexandre le dissident // Le Matin. Lausanne. 1984. 2 octobre. P.22–23.